

180

Радлов Э. **Этика Аристотеля**. Перев. с греческого. С приложением «Очерка истории греческой этики до Аристотеля». Изд. Философского Общества. СПб. 1908. Стр. LXIV + 207. Ц. 1 р. 50 к.¹

Было бы жаль, если бы вследствие излишней скромности почтенного переводчика и автора этой книги, которому приходится посвящать больше внимания распространению чужих работ нежели своих, прошла мимо нашей школы «Этика Аристотеля» в переводе и с обширным введением Э. Л. Радлова.

Этика Аристотеля, по-моему, должна быть особенно полезна русской молодежи, живущей по преимуществу эмоциями и фантазией, и при этом склонной к мистицизму уже по одним литературным традициям...

Переводчик же дал нам не только специальную работу, но и литературное произведение. Он очень бережно отнесся к самому характеру речи Аристотеля и воспроизвел его этику хорошим русским языком. Если в переводе и попадают слова, как бы не переведенные (дианозтический) или переданные иностранными словами, еще не имеющими у нас права гражданства (деалиберировать, деалиберация), то это объясняется уже общими условиями русского философского языка².

В тех случаях, когда автор считал передачу слова слишком смелой, например, *практики* (взамен *техники*) или *аскеты* (взамен *грубые, некультурные*), он ставил греческое слово в скобках, что и дает читателю понять, что в данном случае он имеет не перевод, а истолкование или догадку.

Ценность книги повышается интересным введением, где г. Радлов, известный и давний знаток предмета, излагает историю этики у греков до Аристотеля включительно. Очерк написан сжато и тем строгим стилем, нарочито чуждым всякой риторике и парадоксальных сближений, который так резко отличается в этом отношении от манеры изложения хотя бы Т. Гомперца³, в последнее время наиболее популярного автора очерков античной философии «для образованных» («Griechische Denker»*, книга издана в Вене в начале века). Наш автор не ищет увлекать и даже привлекать читателя, но он заставляет систематически мыслить и учит – осторожно в суждениях. Упрекнуть введение Э. Л. Радлова можно разве в некоторой не только сжатости, но местами даже сгущенности изло-

* «Греческие мыслители» (нем.).

жения: укажем, например, на ст. 4 – «Общий характер греческой этики»⁴. Очень интересна характеристика Сократа⁵ (ст. 6). Здесь не место разбирать точку зрения автора на источники "Сократоведения": он пользуется исключительно Ксенофонтом⁶, но учение Сократа все же очерчено мастерски. Напечатана книга внимательно. Отметим только две досадных опечатки: на 109 стр., в переводе отрывка из Агафона⁷, вместо *одно* напечатано *оно*, что не только извращает, но и уносит смысла подлинника⁸, а на стр. 134 (строка 4 снизу) корректор не дает понять, о ком говорится: о Ксенофане⁹ или о Ксенофонте?

Принимая во внимание введение в гимназический курс философской пропедевтики и несомненный интерес наших юношей к этике, пусть даже и не всегда строго интеллектуальный, а также в виду выдающихся достоинств книги Э. А. Радлова, я прошу Ученый Комитет, не найдет ли он желательным обратиться на вышеназванную книгу особое внимание Педагогических Советов на предмет пополнения ученических библиотек.

Разбор сделан по моему личному экземпляру.

¹ Автограф рецензии не разыскан. Печатается по тексту машинописной копии доклада, сохранившейся в РГИА (Ф. 734. Оп. 4. № 18. Л. 73 – 74). Видимо, делопроизводителем Ученого Комитета на этой копии сделана следующая пометка: "Выписка сдана в Департамент не подлежаит, т. к. книга внесена на рассмотрение Ученого Комитета Членом его И. Ф. Анненским" (Л. 73). Доклад был прочитан в заседании ООУК 28 апреля 1908 г. (РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 119. Л. 657).

Анненский причислял Аристотеля (см.: ИФА. I. С. 22), который "дал энциклопедию знаний, гигантскую по эрудиции, материалам, стройности и новизне", к "гениям, отметившим целые эпохи в умственной жизни человечества" (цит. по: *Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе, в избранных отрывках: С введением, примечаниями и 8 рисунками / Объяснил И. Ф. Анненский, директор С.- Петербургской 8-ой гимназии: В 2-х ч. СПб.: Типо-Лит. И. А. Литвинова, 1896. Ч. 1. С. 29, 41). В процитированной главке «Аристотель» статьи «Очерк древне-греческой философии» Анненский, не анализируя их детально, упоминал и о его трудах в сфере этики.

Позволю себе отметить здесь также, что серьезный интерес Анненского к теоретическим вопросам этики и философии обозначился вполне определенно уже в самом начале 1890-х годов, о чем он сам свидетельствовал в письме к П. П. Семенову от 3 апреля 1891 г., описывая круг своих интеллектуальных интересов (цит. по: РО ИРЛИ (ПД). Ф. 275. Оп. 2. № 66. Л. 1 об): "Сам я за это время читал главным образом статьи философского содержания в этом новом Московском журнале Грота «Вопросы» Философии» и Психологии». Много очень интересного, особенно по этике (Л. М. Лопатина). Молодцы – москвичи, вот и капиталы наши, и сношения с Европой и Америкой завели, библиографический отдел обставили прекрасно,

и сколько молодых сил выдвинулось, о которых прежде и слышно не было: Шишкин, Лютогославский, Трубецкой, Герасимов" (говоря здесь о работах Лопатина, Анненский имел в виду следующие его публикации: Положение этической задачи в современной философии // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 2. С. 61 – 72; Критика эмпирических начал нравственности // Там же. 1890. Кн. 3. С. 64 – 104; Нравственное учение Канта // Там же. 1890. Кн. 4. С. 65 – 82; Теоретические основы сознательной нравственной жизни // Там же. 1890. Кн. 5. С. 34 – 83).

Возвращаясь к разбираемому труду, нужно указать, что впервые перевод Радлова (см. о нем подробнее: ИФА. III. С. 173 – 174) сочинения Аристотеля публиковался в одном из педагогических журналов еще с середины 1880-х годов (см.: ЖМНП. 1884. Ч. ССXXII. Апрель. Паг. 5. С. 67 – 87; Ч. ССXXIII. Май. Паг. 5. С. 1 – 15; Ч. ССXXV. Сентябрь. Паг. 5. С. 17 – 38; Ч. ССXXVI. Ноябрь. Паг. 5. С. 1 – 22; 1885. Ч. ССXXI. Октябрь. Паг. 5. С. 493 – 512; Ч. ССXLII. Ноябрь. Паг. 5. С. 513 – 532; 1886. Ч. ССXLVII. Сентябрь. Паг. 5. С. 142 – 164; 1887. Ч. ССLI. Июль. Паг. 5. С. 97 – 136; Ч. ССLIV. Декабрь. Паг. 5. С. 155 – 176. Первое отдельное его издание увидело свет в 1887 г.

Рецензируемое издание, отпечатанное в типографии товарищества «Общественная польза», включает в себя перевод «Этики (к Никомаху)» (С. 3 – 207) и, в качестве введения, «Очерк истории греческой этики» (С. V – LXIV), содержащий ряд параграфов (обозначу здесь лишь не упомянутые в тексте рецензии и комментарии § 1 – 3 «Задачи этики» (С. V – XIV) и § 7 «Сократические школы и Платон» (С. XXXVII – XLVII)).

Нужно констатировать, что Радлов в главке «Аристотель» (С. XLVII – LXIV) своего введения без панегиризма оценивал значение его трудов в сфере этики: "Нельзя оспаривать значения этики Аристотеля, как первой попытки систематического и научного изложения учения о нравственности, но в то же время следует признать, что Аристотель почти всецело стоит на почве Платоновских понятий и иногда излишне полемизирует со своим учителем" (С. LXIII – LXIV). Особо отмечены Радловым были лишь разделы «Этики», посвященные дружбе, категории практического разума, а также интеллектуальным добродетелям.

Радлов был коллегой Анненского по ООУК МНП. В рукописном отделе ИРАИ (ПД) в фонде Радлова сохранились адресованные ему 3 письма Анненского 1899 – 1902 годов (см.: ф. 252. Оп. 2. № 58^а. Л. 1 – 4), в одном из которых, написанном на бланке директора Императорской Николаевской гимназии в Царском Селе, затрагивалась и учено-комитетская проблематика, в частности, вопрос о публикации отзывов Анненского о восьмом издании «Теории словесности» Белявского (см.: ИФА. II. С. 14 – 20) и пятом издании его же «Этимологии древнего церковно-славянского и русского языка, сближенной с этимологией языков греческого и латинского»:

5 апр. 1901

Глубокоуважаемый
Эрнст Львович,

С большим удовольствием соглашаюсь на то, чтобы рецензии мои на книги г. Белявского не были напечатаны во вверенном Вам журнале. Цель их будет вполне достигнута, если они будут сообщены Бел-явск-ому для

надеждших исправлений. Мне кажется при этом, что для авторитетности Ученого Комитета было бы полезнее, если бы инициатива оставления этих рецензий не напечатанными исходила от меня (в глазах Белявского). Не могу при этом не обратить внимание на одно обстоятельство, для меня лично весьма приятное. Я полагаю, что г. Белявский уже фактом, что рецензии огласки не получили, будет успокоен и избавит меня от необходимости разбирать его ответ на мою критику. Книги так плохи, что не стоят и одного, тем паче двух разборов.

С истинным почтением и преданностью
Вас глубокоуважающий

И. Анненск<ий>.

Радлов, был одновременно и редактором ЖМНП, и по этой причине, вероятно, публикация отзыва Анненского об «Этике» Аристотеля в этом издании не состоялась. Текст доклада, впрочем, послужил основой для журнальной рецензии (Гермес. 1908. Т. II. № 10 (16). 15 мая. С. 257 – 258. Подпись: И. Анненский), незначительно отягчающей от доклада в стилистическом и содержательном отношениях. Приведем здесь ее полный текст.

Издание философского общества при Императорском С.-Петербургском Университете. **Этика Аристотеля**. Перевод с греческого с приложением «Очерка истории греческой этики до Аристотеля» Э. Радлова. Спб. 1908. Стр. LXIV + 207. Ц. 1 р. 50 к.

Э. А. Радлов давно работает в сфере античной философии и, в частности, философии Аристотеля. Перед нами в настоящее время отличный перевод «Этики». Это – не только результат специального исследования и изучения предмета, но и литературное произведение, которое может расширить кругозор читателя, не имеющего филологической подготовки. Переводчик очень внимательно отнесся к тексту Аристотеля и удачно передал самый характер речи этого философа. В общем, язык перевода очень тщательно освобожден от неологизмов и барбаризмов, и если в нем и встречаются иногда слова, как бы оставшиеся без перевода (дианоэтический) или такие, которые еще не имеют права гражданства в русской литературной речи (делиберировать, делиберация), то это уже зависит не от г. Радлова, а от общих условий нашего философского языка.

Перевод этики Аристотеля я считаю весьма своевременным: в нашей молодежи очень ярко проявляются этические запросы, и строго интеллектуальная трактовка моральных тем у Аристотеля может создать в интересах русских читателей полезный противовес влиянию нищенского пафоса. В частности, чтение Аристотеля полезно именно русским, самый темперамент которых располагает к жизни более эмоциями и фантазией, чем расчетом и рассудочностью, и которых даже литературные традиции предрасполагают к мистицизму.

Перевод Э. А. Радлова сделан не только хорошим литературным языком, но он и весьма точен. Если иногда трудно бывает согласиться с передачей того или другого слова (ἄσκησις – аскеты; τεχνίται – практики), то обык-

новенно такие случаи и отмечаются в переводе тем, что, кроме своей интерпретации, переводчик напоминает нам и соответствующее слово подлинника.

Кроме перевода, мы находим в книге и большую статью Э. Л. Радлова «Очерк истории греческой этики до Аристотеля». Очерк этот, очень интересный по содержанию, следует упрекнуть разве в некоторой сжатости, местами даже сгущенности изложения: таков, напр<имер,> § 4 «Общий характер греческой этики». Автор дал нам в § 6 мастерскую характеристику Сократа, хотя можно и спорить против принятой им точки зрения: Э. Л. Радлов пользуется для обрисовки сократовской доктрины одним Ксенофонтом. Способ изложения античной философии у Э. Л. Радлова и самый стиль этого писателя резко отличается от того стиля, которым Р. Мутер трактует искусство или Т. Гомперц философские проблемы. Наш автор нарочито чуждается, с одной стороны, парадоксальных сближений, а с другой – аллегорий и метафор современного горгианства: стиль его строг, – но если русский философ не заботится ни об увлечении, ни даже о привлечении читателя внешними данными своего слога, зато его очерк воспитывает в читателе систематичность мышления и приучает его к осторожности в выводах. Книга напечатана внимательно. Отмечу только опечатку в переводе отрывка из Агафона (стр. 109) о н о вм<есто> о д н о, уносящую смысл подлинника, да корректурное *mixtum** из Ксенофонта и Ксенофана на стр. 135.

По сравнению с учено-комитетским докладом в этом тексте обращают на себя внимание акцентирование проблемы противодействия влиянию "нищенского пафоса" (об отношении Анненского к личности и различным аспектам учения Нищие см. подробнее: ИФА. III. С. 95 – 96) и компактная оценка современного "горгианства".

Горгий (Γοργίας) из Леонтин (около 483 – около 375 до н. э.) – древнегреческий философ, один из старших софистов, оратор, пользовавшийся известностью как "ритор и создатель особо звучного стиля прозаической речи, пересыпанной антитезами, параллелизмами и другими видами фонетических соответствий" (см. о нем: *Миллер Т. А.* От поэзии к прозе: Риторическая проза Горгия и Исократ // *Античная поэтика: Риторическая теория и литературная практика* / АН СССР; ИМЛИ; Отв. ред. *М. Л. Гаспаров*. М.: Наука, 1991. С. 60 – 105).

Краткая характеристика его учения содержится в цитированном раннее сочинении Анненского (см.: *Ксенофонт*. Указ. соч. Ч. 1. С. 16 – 17).

² Слово "делиберация" Радлов использовал для обозначения "размышления с целью выбора" (ср. прим. переводчика: "Βουλή обозначает у Аристотеля взвешивание мотива, предшествующее действию; мы употребляем для краткости иностранное слово" (С. 44)).

Что касается слова "дианозетический", то, дав однажды в скобках его перевод ("интеллектуальный" (С. 22)), автор постоянно употреблял в тексте «Этики» гречизм.

³ О Т. Гомперце см.: ИФА. I. С. 233.

* Смесь (лат.).

Первое издание его двухтомного труда «Griechische Denker, eine Geschichte der antiken Philosophie» вышло в свет в Лейпциге в 1893 – 1902 гг., а второе издание – в 1903 г.

⁴ Упомянутый параграф занимает в рецензируемой книге стр. XV – XXI.

Менее, чем на 6 страницах, Радлов дает крайне сжатый обзор этических воззрений древних греков, не проводя четко грани между дорийцами и ионийцами. Говоря о сочинениях Гомера, Гесиода, Геродота, орфиков, пифагорейцев, Эмпедокла, Сократа, Платона, Аристотеля, Платина, Феофраста, автор статьи при этом акцентирует внимание читателей на таких категориях религиозно-нравственного миросозерцания греков, как "судьба", "рок", "случай", "скверна", "айдос", "айсхуне", "честолюбие", "эрос", "мера", "гармония".

⁵ Речь идет о параграфе «Софисты и Сократ», в котором учение Сократа со ссылками на Ксенофонта (ср.: "Вот учение Сократа, как оно представлено Ксенофонтом, и мы охотно поверим этому автору" (С. XXXVI)) излагается на стр. XXXI – XXXVII.

Важнейшей чертой этического миросозерцания Сократа, который характеризовался автором статьи как "человек глубоко религиозный и патристически настроенный" (С. XXXV), по мнению Радлова, является "вера в разум, как критерий истины и лжи" (С. XXXII). Это определяет и то, что "сущность добродетели заключается в знании" (С. XXXIII), и то, что "она приобретает наукой и постоянной работой" (Там же), и, следовательно, "всякий труд заслуживает уважения" (Там же). Уделено внимание в статье и сократовскому пониманию содержания добродетели ("справедливое есть то, что положено законом, и добро – то, что государством признается таковым" (С. XXXIV)), и телеологии Сократа, и его отношения к религии и науке.

Сам Анненский так характеризовал сущность учения Сократа, отождествлявшего "знание с добродетелью" и исходившего из того, что "воля, ум и добродетель совпадают", затрагивая при этом и этическую проблематику: "Подобно софистам, Сократ ставит в центре сущего не природу, а человека, а в природе, в миропорядке он ищет управляющего ума, подобного человеческому; цель мира есть благо, и цель человека тоже благо, а для человека благо есть справедливость; справедливость же есть результат нашего мышления, это – само мышление в его конечном выводе, не допускающем дальнейших колебаний. Таким образом, философское познание наша живую связь с жизнью человека, с его нравственностью и получило могучую опору в той силе, которую обладает всякий человека – в нравственном инстинкте, в совести. <...>

Так как истинное знание одно, то и добродетель одна. Знание есть знание добродетели, и это знание роковым образом сопряжено с поступками, волей: нельзя, зная доброе, не желать его. <...>

Истинная свобода есть свобода от страстей и подчинение действий уму. Ум делает человека практичнее (добродетельнее)" (цит по.: Ксенофонт. Указ. соч. Ч. 1. С. 21, 24, 29).

⁶ Радлов следующим образом обосновывает свой подход: "Из двух главных источников для жизни и философии Сократа – Воспоминания Ксе-

нофонта и Диалоги Платона – первый имеет то несомненное преимущество, что он изображает действительного, а не идеализированного Сократа. Если у Ксенофонта не было, может быть, достаточно глубины, чтобы понять сокровенный корень мышления Сократа, то во всяком случае он старается передать подлинные слова своего учителя, и образ, нарисованный Ксенофонтом, делает вполне понятной ту высокую оценку, которую Сократ обрел во всех последующих поколениях людей" (С. XXXI).

Впрочем, он признавал, что "изображение Ксенофонта не полное, например, мы не узнаем, что думал Сократ о бессмертии души" (С. XXXVI).

Ср. с суждениями Анненского, в которых изложен его взгляд на "источники сократоведения": "Личность Сократа характеризуется нам в произведениях его учеников: в «Воспоминаниях» Ксенофонта и в «Диалогах» Платона. – У обоих он является человеком уже вполне сложившимся: при этом у Ксенофонта – это не столько глубокий созерцатель, который допытывается тайн природы и жизни, сколько практический мудрец, благочестивый моралист. У Платона Сократ – тонкий диалектик, остроумный и глубокомысленный философ, неутомимый обвинитель ошибок и изобличитель шарлатанства софистов" (цит. по: *Ксенофонт*. Указ. соч. Ч. 1. С. 19).

В главе «Сократ» цитируемого здесь сочинения Анненского, кстати, учение философа характеризуется преимущественно на материале диалогов Платона.

⁷ Агафон (Ἀγύθων) (около 448 – 397 до н. э.) – древнегреческий поэт, драматург.

В одной из своих работ Анненский характеризовал его так: "Агафон был друг Еврипида, но моложе его и принадлежал к веку Платона; этот изящный поэт придумывал для трагедии новые мифы и пленял афинян утонченностью стиля и виртуозностью музыки. Это был декадент, но только не отверженный, как у нас, а напротив бесменно венчанный" (*Анненский И. Античная трагедия: (Публичная лекция) // Мир Божий. 1902. № 11. Паг. 1. С. 25*).

⁸ Речь идет о следующем фрагменте перевода § 2 VI книги «Этики»: "Никто не деиберирует о прошедшем, а только о будущем и о возможном; ибо прошлое не может не быть, потому-то Агафон справедливо говорит:

Оно только самому Богу не возможно –
Сделать не действительным то, что совершилось".

¹⁰ Ксенофан (Ξενοφάνης) из Колофона (около 570 – после 478 до н. э.) – древнегреческий поэт и философ.

См. фрагмент § 8 VII книги Аристотеля: "...мы прощаем тем, которые стараясь сдерживать смех, наконец, раздражаются неудержимым смехом, как это случилось с Ксенофантом" (С. 134).

Заметить, следует заметить, идет не о Ксенофане и не о Ксенофонте, а, возможно, о музыканте при дворе Александра Ксенофанте (см.: *Аристотель. Сочинения: В 4-х т. / АН СССР; Институт философии. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 734. «Философское наследие»; Т. 90*).